

его времени». Выделяя, подобно авторам «физиологических очерков», определенную область современного социального быта в качестве предмета своего художественного анализа, Островский осмыслил ее как часть целого, как своеобразное выражение общих закономерностей русской жизни, ставил в своих произведениях вопрос о путях развития русского общества, не упрощая жизненных ситуаций, не давая зрителю готовых решений, но подготавливая его к обобщениям, выводам, воспитывая способность к осмыслению и критике действительности. Изображение противоречий современного общества дополняется в театре Островского историческим аспектом оценки явлений действительности, и историческая пьеса «Воевода» органически «продолжает» сатирическую комедию «Доходное место». Л. М. Лотман коснулась вопроса об отношении Достоевского к образу Любима Торцова, о «полемике» героя Достоевского Мармеладова («Преступление и наказание») со святочно-карнавальным торжеством благородного «метеора» в комедии Островского. На фоне опытов народной драмы А. Ф. Писемского, А. А. Потехина и других писателей выявляется своеобразие подхода Островского к драматизму народной жизни.

В своем докладе «Островский — редактор и критик „Москвитянина“» канд. филол. наук В. Я. Лакшин (Москва), основываясь на обширных данных, появившихся в печати и неопубликованных дневниках и мемуарах, по-новому истолковал казавшийся до сих пор ясным, а на деле малоизученный эпизод биографии Островского — его участие в журнале М. П. Погодина «Москвитини». По мнению В. Я. Лакшина, работа Островского в «Москвитинине» может быть подразделена на два периода. Первый — когда еще до создания так называемой «молодой редакции» Островский почти единолично перестраивал работу журнала. К этому периоду относятся и рецензии на повесть Е. Тур «Ошибка», где молодой Островский формулировал свое эстетическое кредо, резко расходившееся со всем направлением погоднинского журнала. Второй период начинается с появлением «молодой редакции». Опровергая традиционные представления, В. Я. Лакшин показал, что подлинные отношения между А. А. Григорьевым, другими членами «молодой редакции» и Островским были достаточно сложными. В своей статье о повести А. Ф. Писемского «Тюфяк» Островский во многом пошел против позиции «молодой редакции». В требовании им искренности произведения содержался активный протест против «официальности чувств», которая в последние годы николаевского царствования захватила интимные, частные сферы человеческой жизни. Против этой официозности Островский выступал и в этой рецензии, и в своих первых произведениях.

В докладе «Островский и современный ему театр» д-р искусствоведения Е. Г.

Холодов (Москва) остановился на судьбе «театра Островского» при жизни великого драматурга. Опираясь на точные статистические данные, он раскрыл реальную картину состояния русского театра во второй половине XIX в. Прежде всего он опроверг прочно укоренившееся мнение о том, будто Малый театр был единственным прибежищем Островского. Как явствует из приведенных докладчиком цифр, многие из пьес Островского значительно чаще шли в Александринском театре, чем в Малом. Анализ репертуара казенных театров показывает, что количество постановок пьес Островского значительно превышало количество постановок пьес других современных ему популярных драматургов, и никто из них не мог соперничать с создателем русского национального театра в своем успехе у широкой публики. В заключение докладчик остановился на все еще спорном вопросе взаимоотношений А. Н. Островского с корифеем русского театра М. С. Щепкиным и показал большее признание Щепкиным драматургии молодого Островского, чем об этом принято говорить в театроведении.

Доклад канд. искусствоведения Л. И. Гительмана (Ленинград) был посвящен теме «Островский на зарубежной сцене». Уже первые шаги, предпринятые деятелями западноевропейской литературы и театра, чтобы познакомить общественность своих стран с драматургией А. Н. Островского, связаны с глубоко реалистическим характером его творчества. Однако реализм русского драматурга получил разную оценку критиков и переводчиков. Она предопределялась идейно-эстетическими тенденциями, преобладающими в искусстве той или иной страны, и личными литературными и театральными привязанностями и антипатиями. Порой Островского приближали к писателям-натуралистам. Часто в нем хотели видеть «неоромантика», поэта, драматурга, воскрешающего в новых общественных условиях традиции шекспировской исторической драмы и пьесы-сказки. И все же важно, что Островский вводится в круг крупнейших мировых писателей второй половины XIX в., способствующих решительному обновлению европейской сцены, приобщению ее к реализму, к наиболее острым социальным и нравственным проблемам времени. Это убедительно показала английская исследовательница драматургии Островского переводчица К. Гарнет и, в особенности, француз Ж. Патуйе в своем монументальном труде «Островский и его театр русского быта». Пьесы Островского позволили осмыслить ряд серьезных проблем в эволюции общественной мысли, морали и нравственности. Докладчик остановился на некоторых спектаклях последнего времени, таких, например, как «Трудные дни» в парижском театре РТФ (автор перевода и режиссер И. Пено), «Гроза» в нью-йоркском театре Масок (автор перевода — К. Гарнет, режиссер —